
В. И. МЕТЛОВ

О НЕКОТОРЫХ ОПЫТАХ ОСОВРЕМЕНИВАНИЯ МАРКСИЗМА

Интерес к К. Марксу, к методу исторического материализма, материалистической диалектике¹, обострившийся в настоящее время в связи с финансово-экономическим кризисом, кажется, никогда не падал до нулевой отметки, даже в дни, отмеченные триумфом капитализма, оптимизмом адептов либерализма, тоталитаризмом рыночных отношений. Средства массовой информации заявили, тем не менее, о возросшем интересе к Марксу именно в связи с объявленным финансовым кризисом.

Возвращение Маркса в общественное сознание началось, по-видимому, вместе с осознанием того, что разрушение социалистической системы и торжество капитализма не привели к решению острейших социальных проблем². «Шпигель» отмечает, что внимание к создателю исторического материализма возрождается вместе с крахом иллюзий относительно стабильности капиталистического общества. Кризис, разумеется, сделал это движение более определенным, осознанным. В частности, он отчетливо высветил, как далеко за исторически небольшой срок общество ушло от пророчеств уже полузабытого Фрэнсиса Фукуямы, начав осознавать, что иной мир и возможен, и абсолютно необходим. Ежегодное итоговое издание *Le Bilan du Monde* включает, в частности, интервью с И. Валлерстайном, социологом из Йельского университета, подчеркивающим, что вот уже тридцать лет, как мы вошли в завершающую стадию капиталистической системы³. Вместе с пониманием бренности существующего строя, современных общественных отноше-

¹ Из последних работ на эту тему отметим книгу: Mouriaux, R. *La dialectique d'Héraclite à Marx*. – Paris, 2010, автор которой подчеркивает необходимость диалектики для понимания существующего положения вещей и перспектив рабочего движения.

² *Der Spiegel*. – 2005. – № 34. – S. 37.

³ Wallerstein, I. *Entretien // Bilan du Monde*. – 2009. – P. 34.

ний идет и обращение к мыслителю, который облек представления об этом процессе в строгие методические формы⁴, формы материалистической диалектики.

Можно сказать, что необходимость обращения к Марксу, абсурдность уверений в том, что марксизм умер, подчеркивались наиболее проницательными и смелыми мыслителями достаточно давно, во всяком случае задолго до упомянутого кризиса. Ж. Делёз говорил в одном из интервью о том, что он никогда не отказывался от Маркса⁵. Ж. Деррида выступил против очередных «похорон» Маркса, опубликовав *«Spectres de Marx»* (1993 г.). И. Пригожин заметил, что кончилось время науки Галилея, Ньютона, Канта, начинается время науки Гегеля, Дарвина и особенно Маркса (1988 г.).

Следует сказать больше. Ф. Энгельс когда-то говорил, что история, конечно, совершается диалектически, но диалектике придется долго ждать истории. Оскар Негт, представитель Франкфуртской школы социальных исследований, констатирует, что диалектика сегодня дождалась истории: «Это ново, это ирония истории: что капитал впервые в истории функционирует именно так, как описал его Маркс в “Капитале”. Никогда еще не перемещался капитал так свободно, как сегодня»⁶. Исследователи имели, как видим, основания, квалифицировать иногда Маркса как пришедшего несвоевременно⁷. Действительно, выводы, сделанные Марксом на материале Англии, наиболее развитой страны тогдашнего мира, естественно, казались преждевременными для отставших от Англии стран. Но и для нашего времени, погрязшего в кантовского типа противоречиях, антиномиях, универсализм Маркса оказался чем-то неприемлемым, что дало теперь повод говорить о том, что Маркс отстал от забот современности. Так, когда-то Г. Райхенбах

⁴ Мы употребляем термин «методический» в том смысле, в котором обыкновенно используется слово «методологический». Этот последний термин предполагает существование метода, отделенного от содержания, то есть оказывается существенно связанным с кантовским формальным пониманием метода. Начиная с Фихте формируется, тем не менее, иное понимание метода, которое характеризуется органической связью метода с предметом. К. Маркс не пользуется термином «методологический». В знаменитом письме к П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. соответствующая строка выглядит так: «Wenn Herr Proudhon das Eigentum als eine selbständige Beziehung darstellt, begeht er mehr als nur *einen Fehler der Methode...*» (курсив наш. – В. М.). По-русски выделенные курсивом слова переведены как «методологическую ошибку»; точный перевод – «ошибка метода».

⁵ Le Monde. – 1995. – 7 novembre. – P. 28.

⁶ Цит. по: Der Spiegel. – 2005. – № 34. – S. 31.

⁷ См., например: Bensaid, D. Marx l'intempestif. – Fayard, 1995.

накануне повсеместного обращения философии науки в кантианство торжественно провозгласил, что нам, современникам Бора и Эйнштейна, никогда не понадобится Кант. Мы видим, что выводы, сделанные современными западными авторами, скорее характеризуются тем, что действительность не созрела или только что созрела до исторического материализма.

Нельзя не отметить того обстоятельства, что и в нашей стране, где марксизм подвергся, может быть, самому беспардонному игнорированию, где имеет место криминализация марксизма, где его ниспровержение принимает, в частности, форму постановки Маркса в ряд мыслителей, которых следует знать, но которые не представляют чего-либо исключительного, никогда не исчезал интерес к Марксу и марксизму.

Авторы концепции постсоветского марксизма А. В. Бузгалин и А. И. Колганов принадлежат к такого рода исследователям, которые ставят своей задачей дать «современное марксистское исследование, претендующее на разработку новых аспектов этой теории, отвечающих на вызовы новой эпохи – генезиса информационного общества, глобализации и ростков протоимперии»⁸.

Обратим внимание на то обстоятельство, что вопросы развития новых аспектов упомянутой теории оказываются в названной работе вопросами метода по преимуществу. Полезно также иметь в виду, что попытка развития марксизма, способного ответить на вызовы нашего времени, сопровождается критикой того, что наши авторы считают догматическим марксизмом, в первую очередь его советской версии, поисками аутентичного Маркса, тенденцией к развитию марксизма, пригодного, по крайней мере, для XXI столетия.

А. В. Бузгалин и А. И. Колганов пишут о социальной философии постсоветского марксизма, отвечая на вызовы XXI в. и претендуя не больше и не меньше как на создание научной школы.

В высшей мере важным и интересным представляется то, что наши авторы, отмечая неизбежность завершения капиталистической стадии развития человечества, понимают вместе с тем необходимость рассмотрения общества будущего – задача, которая неизбежно встанет самым настоятельным образом после победы ле-

⁸ Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. Постсоветский марксизм в России: ответы на вызовы XXI века. – М., 1995. – С. 3.

вых сил и которая, конечно, будет гораздо труднее и масштабнее задачи завоевания власти.

Мы разделяем убежденность многих, что только с Марксом, с его методом материалистической диалектики, с его историческим материализмом мы можем ответить на вызовы наступившего столетия, но мы сомневаемся, что это возможно с тем, что называется постсоветским марксизмом. Эти сомнения мы и представим читателю.

Что представляется нашими авторами основанием для постановки вопроса о необходимости совершенствования, развития марксизма, как они представляют себе то направление, в котором должен, по их мнению, развиваться диалектический метод?

Авторы говорят о марксизме постиндустриальной эпохи, постмарксизме, связывая необходимость эволюции диалектики Маркса, исторического материализма, материалистической диалектики, то есть метода исследования общества, именно с изменившимися социальными отношениями, социальной реальностью. Нам представляется чрезвычайно важной постановка вопроса именно в этом ключе.

Одним из основных недостатков *расхожей* версии марксизма, диалектической логики было именно то, что игнорировалась органическая связь формального и содержательного моментов, не осознавалась в достаточной мере принципиальная содержательность диалектической логики, не говоря уже о том, что недооценка деятельности стороны, деятельностного аспекта становления *идеи* диалектики приводила естественным образом к отождествлению реальности с эмпирической данностью, а диалектику сводила к сумме более или менее удачных примеров, в изобилии представлявшихся как наукой, так и общественной жизнью. Причем как-то забывалось, что изобилие примеров, подтверждающих противоположную точку зрения, всегда можно было бы привести.

«Главным аргументом в пользу возможности развития новой логики диалога, – пишут Бузгалин и Колганов, – (“полифонирования”. – Г. Батищев) является переход к исследованию *принципиально новой реальности – креатосферы, мира со-творчества, где открытый диалог субъектов (субъект-субъектные отношения) становится главным полем общественных отношений* (курсив наш. – В. М.) и, следовательно, социального исследования. Более того, здесь сами социальные отношения – деятельность становятся

полем диалога равноправных субъектов, что требует поиска нового метода исследования этой реальности – метода, снимающего традиционную диалектическую логику. В той мере, в какой уже сегодняшняя реальность (“человеческая революция” и генезис “общества знаний”, а также бурный рост различных форм социального творчества – от местного самоуправления до новых социальных движений) оказывается полем различных видов со-творчества, в этой мере оказываются актуальны названные выше интенции поиска нового метода. В той мере, в какой мы остаемся в мире отчуждения, “старая” диалектическая логика во всей ее современной актуальности остается важнейшим рабочим инструментом любого социального исследования⁹.

Итак, новый метод исследования требуется новой реальностью, которая представляет собой мир сотворчества. Вопрос, который представляется здесь принципиально важным, – это вопрос о том, порождает ли креативное общество необходимость в новом методе, в диалектической логике, отличной от той, что была адекватной обществу отчуждения, и является ли эта новая логика более совершенной, шагом вперед в развитии метода.

Разумеется, если провозглашается, что новое общество, креативное, по мысли наших авторов, радикально отличается от предшествующего – общества отчуждения, то, естественно, оно требует и нового метода. Но мы оказываемся в этом случае перед затруднением другого рода, а именно: в таком случае между названными обществами отсутствует какая-либо связь, преемственность, отсюда мы получаем разрыв исторического процесса. Если же такая связь все-таки существует (а мы вовсе не сомневаемся, что А. В. Бугалин и А. И. Колганов признают наличие таковой), то методическим кореллятом такой связи будет единый метод. Иначе нам пришлось бы предположить, что полагание противоречивости, антиномичности, характеризующее общество отчуждения, относится на счет одного метода, а разрешение противоречия – на счет другого.

«Постсоветский марксизм, ставя новые вопросы в области метода, прежде всего рассматривает проблему универсальности само-

⁹ Бугалин, А. В., Колганов, А. И. Указ. соч. – С. 9–10. Заметим, кстати, что все эти виды собственно социального творчества оказываются рождающимися на базе интереса к чему-то предметному, скажем, к источникам энергии, водным ресурсам, животному миру, лесу и т. п.

го диалектического метода, выдвигая гипотезу *исторической ограниченности поля (пространства и времени) применения классической (гегелевско-марксовой) диалектики эпохой отчуждения*. Как таковой классический диалектический метод требует своего снятия для исследования процессов, лежащих в поле «царства свободы»¹⁰.

Заметим, что гегелевско-марксовой диалектики как таковой не существует, гегелевская диалектика и диалектика Маркса являются радикально противоположными типами диалектики. Впрочем, можно допустить такое словоупотребление, имея в виду схожесть реакций и той и другой форм диалектики с диалектикой Канта.

«Принципиально новой реальностью», требующей нового метода ее исследования, оказываются теперь различные формы социального творчества. «Сегодняшняя реальность... оказывается полем различных видов со-творчества» – это не очень ясная характеристика того, что является для наших авторов предметом исследования. Мы задаемся вопросом: *что* создают, *что* творят вступающие в отношения сотворчества субъекты, по какому поводу ведется диалог, который между ними является неопределенным? Авторов можно понять только таким образом: это различные формы социальных отношений, но ради чего создаются эти отношения – этого вопроса для них, как нам представляется, просто не существует.

Откуда взялась эта новая реальность – другой вопрос, который также не может не возникнуть. Э. В. Ильенков, к сторонникам которого авторы, в частности, себя относят, очень хорошо понимал, что новое рождается из старого и между новой и старой стадиями развития – пусть их отделяет друг от друга качественный скачок – существует преемственность. Наши авторы говорят о переходном периоде, но, в сущности, этот переход никаким образом не мотивирован *с точки зрения метода*.

Результатом же оказывается то, как отмечалось выше, что полагание противоречия (общество отчуждения) относится нашими авторами на счет одного метода, а его разрешение – на счет другого. Но диалектика на уровне «субъект-субъект» является производной от диалектики «субъект-объект». Между тем создается впечатление, что метод Маркса, использованный в «Капитале», пригоден единственно для капиталистического общества и не пригоден для

¹⁰ Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. Указ. соч. – С. 9.

работы с другими формациями, в первую очередь с той, что является на смену обществу отчуждения.

Уже простое внимание к тому обстоятельству, что общество отчуждения – это специфическая форма существования процесса опредмечивания и распредмечивания, который лежит в основе исторического движения вообще, сделало бы возможным увидеть то, что мы имеем дело с одним методом и в случае рассмотрения общества отчуждения, и в случае того, что авторами называется обществом креативным.

Вместе с тем надо сказать, что логика классической немецкой философии после Канта, в частности логика Гегеля, едва ли с основанием может быть квалифицирована как логика отчуждения. Напротив, начиная с Фихте она оказывается логикой преодоления отчуждения, которое представлено кантовской вещью в себе, кантовским антиномизмом, и вместе с тем (что опять-таки характеризует единство метода) эта логика продолжает дело, начатое Кантом, его коперниканским переворотом, обратившим внимание на роль активности субъекта в процессе познания. Таким образом, диалектическое противоречие знает разные стадии развития, начинаясь антиномической ситуацией и завершаясь снятием противоречия, его разрешением. На всех этапах мы имеем дело с разворачиванием отрицательности, противоречивости, свойственной диалектическому методу, снятием противоречия, завершением определенного этапа развития.

Посткантовская классическая философия помогает освоиться с еще одним положением вещей: опять-таки уже Фихте преодолевает кантовскую разлученность содержания и метода, формальное понимание метода, что в конечном итоге приводит к гегелевскому пониманию метода как осознания формы движения содержания. Содержание же рождается в ходе преобразования человеком окружающей действительности и самого себя. Это понимание метода, органической связи его с содержанием, отлично от того, с чем мы имеем дело у наших авторов, которые полагают возможным создать новый метод, наблюдая за действительностью, застигнутой, так сказать, во всей ее полноте, законченности. Это догегелевское понимание метода, связанное с пониманием действительности как данной лишь в форме объекта, а не в форме человеческой чувственной деятельности (Маркс). Действительность дана нам не в лежащей перед нами эмпирии, но в практической деятельности, как

практика, которая, кстати сказать, должна объяснить и само появление этой эмпирии.

Подчеркнем еще раз, что собственно диалектика «субъект-субъект» – если и предположить ее возможность – является, так сказать, вторичной, основываясь на диалектике «субъект-объект». Без этого она может быть только диалогом ни о чем. Можно также заметить, что равноправие вступающих в диалог субъектов грозит еще одной теоретической опасностью – превращением диалектической противоречивости, которой всегда свойственна некоторая асимметрия в отношениях сторон противоречия, в бинарные оппозиции структуралистов, делающих невозможным концептуализацию исторического движения.

Не представляется достаточно обоснованным убеждение наших авторов, будто отношение «субъект-объект» будет во все возрастающей степени заменяться отношением «субъект-субъект». Представлять дело таким образом означает, в частности, полагать, что существующее общество – рыночное, капиталистическое общество, общество отчуждения – исчерпывает отношение субъекта к внешней реальности. На деле же это отношение субъекта к объекту, если иметь в виду отношение общества к природе, в современном обществе является в высшей степени уродливым, порождающим убожество, бедность обеих сторон отношения. Преодолевающее это положение дел общество, напротив, характеризуется богатством отношений с природой, оставляющим в прошлом узко утилитарное отношение к ней, свойственное современному обществу. Только в этом обществе может возникнуть и собственно определенное отношение субъекта к субъекту, человеческие отношения, отличные от характерных для общества отчуждения, но они, данные отношения, возникают на основе изменившихся отношений субъекта к внешней реальности. Это ни в малейшей степени не ставит под сомнение убеждение в громадной роли, огромном влиянии отношений уровня «субъект-субъект» на отношения уровня «субъект-объект».

Нам кажется, что в определенной мере соображения наших авторов идут в русле довольно влиятельной тенденции, представленной, в частности, Ю. Хабермасом, Р. Рорти и рядом других авторов, которые не видят возможности концептуализации и разрешения складывающихся в обществе противоречий и обращаются к различным версиям прагматизма. «Объективность или солидар-

ность» – так видится, например, проблема для Рорти; и сама формулировка дилеммы, и разрешение ее, если это можно назвать разрешением, а именно предпочтение солидарности – обусловлены, кажется, этим ужасом перед диалектической противоречивостью, выражающейся в необходимости соотнесения отношения к внешней реальности, с одной стороны, и отношений в рамках определенного сообщества – с другой, в органическом единстве, целостности. Ю. Хабермас полагает, что его теория коммуникационного действия преодолевает апории философии субъекта, названные М. Фуко в заключении книги «Слова и вещи»: «...следовало заменить парадигму познания объектов парадигмой согласия между субъектами, способными говорить и действовать»¹¹.

Между тем в способе производства, ключевом понятии исторического материализма, мы имеем дело с единством производительных сил и производственных отношений, в котором производственные отношения, являясь идеализованной формой существования производительных сил, вместе с ними образуют то единство, целостность, которая и является диалектическим противоречием материального и идеального. То есть, пользуясь терминологией авторов рассматриваемой работы, мы имеем здесь единство отношений «субъект-объект» и «субъект-субъект». Это совсем не мешает говорить о диалектике на уровне каждой из составляющих противоречие сторон, но эти противоречия будут уже производными от исходного, базисного.

Авторы говорят о традиционной диалектической логике. Но такая логика существует в более или менее законченной форме у Гегеля в «Феноменологии духа», «Науке логики» и в «Капитале» у Маркса. Гегелевская версия этой логики достаточно скомпрометирована идеализмом, чтобы быть использованной в анализе современных ситуаций общественной жизни, хотя еще может служить существенным средством преодоления кантовского уровня рассмотрения данных ситуаций; что же касается логики «Капитала», то следует заметить, что она неотделима от материала, в котором воплощена, а опыт ее освобождения от этого материала не может привести к чему-либо большему, чем к некой *формальной* диалектической логике, пригодной для применения к любому материалу, а потому несостоятельной в принципе.

¹¹ Habermas, J. Le discours philosophique de la modernité. – Gallimard, 1988. – P. 350.

Принципиальная содержательность диалектической логики в ее материалистическом виде ориентирует на основательное освоение уровня, на котором находится материал науки или общественной жизни, с которым мы имеем дело, пытаясь диалектизировать этот материал. К. Маркс именно в этом смысле замечал, характеризуя опыт Ф. Лассаля: «Я вижу, что в своем втором великом творении парень намерен изложить политэкономии по-гегелевски. Но тут он, к своему огорчению, увидит, что одно дело – путем критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело – применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе»¹². К абстрактным представлениям о креативном обществе в рассматриваемой работе присоединяется не очень ясно определенный метод полифонирования, диало-логики.

Итак, отношения «субъект-объект» оказываются оттесненными на задний план или просто устраненными ходом общественного развития и замененными в качестве предмета исследования отношениями «субъект-субъект». Впрочем, даже если существование отношения «субъект-объект» и признается нашими авторами (а для такой догадки их текст дает определенные основания) то, во всяком случае, в их *относящихся к методу* соображениях это не играет никакой роли.

Мы готовы поверить в то, что сложившиеся к настоящему времени реалии требуют изменений методического (*относящихся к методу*) характера, но убедиться в этом мы не сможем, иначе как обнаружив несостоятельность метода, с которым имели дело до сих пор, а именно той «старой» диалектической логики, которой мы пользовались до сих пор, исследуя общество отчуждения. Каким образом, например, обнаруживается неудовлетворительность индуктивного метода Ф. Бэкона, индукции Милля, современных индуктивных методов, теории Ньютона? Она делается явной, что касается индукции, вместе с усмотрением того факта, что проведение индуктивного заключения предполагает существование априорных допущений, в принципе *противоречащих* базисной интенции индуктивистских подходов. Недостаточность теории Ньютона усматривается в ее неспособности объяснить некоторые факты.

¹² Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 29. – С. 223–224.

В несоответствие метода Маркса «старой», по терминологии наших авторов, диалектической логики реалиям общества, возникающего после общества отчуждения, нам предлагается поверить. Разрушающие эту логику противоречия нам не показываются. Мы оказываемся, таким образом, лицом к лицу с никоим образом не обоснованным утверждением авторов, что традиционная диалектическая логика не в состоянии быть методом исследования новой реальности, креатосферы.

Помимо сомнения в существовании общества равноправных субъектов, по крайней мере на настоящий момент, о чем уже говорилось выше, невозможно удержаться от сомнения в возможности построить на основе таким образом охарактеризованного общества научно значимый метод.

Мы бы также заметили, что характеристика общества как общества отчуждения – это характеристика частного случая опредмечивания и распредмечивания, поэтому, думается, критика общества отчуждения должна была бы осуществляться с этих, более общих, позиций. Но рассмотрение с данных позиций опять-таки показывает, что метод «старой» (диалектической) логики вполне годится для общества, возникающего в ходе и на основе снятия предшествующего общественного строя, общества отчуждения. Проблема здесь скорее в том, что метод «старой» (диалектической) логики не годится для креативного общества просто потому, что утверждение существования такого общества господства субъект-субъектных отношений, радикально отличного от общества предшествующего, в мире, где идет жесткая схватка по поводу природных ресурсов, является утверждением безжизненной абстракции.

Правда, следует иметь в виду, что это роднит наших авторов, как уже отмечалось, с рядом довольно именитых фигур, представляющих современные тенденции в философии¹³. Это не может, однако, быть основанием для утверждения, что возникающее в ходе снятия общества отчуждения новое общество требует новой логики: старая диалектическая логика работает и здесь. Метод же, который может возникнуть на основе представлений наших авторов о

¹³ Например, Р. Рорти не может справиться с такого же рода затруднением, нашедшим свое воплощение в названии работы «Объективность или солидарность?», отдавая предпочтение солидарности перед объективностью. См.: Rorty, R. *Solidarität oder Objektivität? Drei philosophische Essays*. – Stuttgart, 2001.

так называемом креативном обществе, будет далеко позади не только гегелевского и метода Маркса, но и метода Канта.

Диалог субъектов, который оказывается основной характеристикой отношений в креативном обществе, не может быть самоцелью, это всегда диалог по поводу какого-то предмета. Логика отношения субъекта и объекта, опредмечивания и распредмечивания, отношения материального и идеального оказывается действующей и на той стадии общественного развития, которая сменяет предыдущую стадию, характеризующуюся, как пишут наши авторы, господством отчуждения. Важно при этом понимание того, что коммуникация, взаимоотношение субъектов является производным от отношения субъект-объект, что оно всегда взаимоотношение по поводу чего-то. Даже у Платона – диалогическая логика наших авторов порождает соответствующие реминисценции – диалектическое движение неизменно имеет в виду определенный предмет, например благо у античного автора.

То, что является основой заблуждения наших авторов, а также упомянутых Рорти и Хабермаса, – это неспособность справиться с диалектикой, рождающейся в ходе взаимоотношения субъекта и объекта, непонимание того, что мы имеем дело с реальностью, двигающейся в формах отношения материального и идеального, где собственно отношения субъект-субъектного уровня рождаются на основе отношений субъект-объектного уровня, представляя идеализованную форму последних, то есть непонимание той противоречивости, антиномичности, которая была преодолена в диалектической традиции уже в посткантовской классической философии, представлявшей, как было сказано, опыт снятия отчуждения, нашедшего у Канта форму «вещи в себе».

Трудно оспаривать положение, согласно которому метод должен быть, как сказал бы Гегель, осознанием формы движения содержания, предметной реальности, и нельзя не приветствовать понимание А. В. Бузгалиным и А. И. Колгановым необходимости связи формы и содержания, метода и реальности, более того, понимание определяющей роли содержания в деле формирования метода. К сожалению, видение и той и другой стороны оказывается на догегелевском, можно даже сказать, на докантовском уровне.

Вне всякого сомнения, метод исторического материализма Маркса выглядел бы иначе в случае исследования рабовладельческого общества, чем в случае исследования общества феодального

или капиталистического, но перестал бы он при этом быть *методом исторического материализма* – вот в чем вопрос, и мы склоняемся к отрицательному ответу на него. Отчуждение представляет собой специфическую для определенного этапа социального развития форму опредмечивания-распредмечивания. История общества – это процесс опредмечивания и распредмечивания, и это отношение сохраняется, в каких бы особенных формах оно ни выражалось.

«Технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса, – не критична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. *Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод* (курсив наш. – В. М.)»¹⁴.

Процесс производства вещей – это, как видим, в то же время и процесс производства общественных условий жизни. Отношения реальной жизни, таким образом, включают как активное отношение человека к природе, так и общественные условия жизни – так выглядит та основа, на которой формируется материалистический, единственно научный метод исторического материализма. Так характеризует свой метод основатель исторического материализма К. Маркс, и важным здесь представляется понять, что заявленный здесь материализм характеризует диалектику Маркса, исключая, кстати, саму возможность говорить о диалектической логике Гегеля – Маркса. Впрочем, такое понимание основы и формирующегося на ней метода возникает уже в ходе знакомства с тезисами Маркса о Фейербахе или при чтении известного письма Маркса к П. В. Анненкову, где дается Марксово понимание производства не только как производства вещественных благ, но и как производство общественных отношений. Именно это единство названных моментов образует отношение материального и идеального, которое объясняет историческое движение, являясь основой метода рассмотрения и буржуазного общества, и общества, идущего ему на смену.

¹⁴ Маркс, К. Капитал. – Т. 1. – М., 1955. – С. 378, прим. 89.

Свести содержание общества ближайшего будущего к обществу диалога равноправных субъектов – значит, свести реальное общество к одной из его сторон, немислимой в реальности без другой стороны, отношения человека к природе. Строить на этой основе метод познания таким образом охарактеризованного общества будущего, логику – значит, обречь себя на утопию, так сказать, в квадрате. К очень неясному представлению о реальности присоединяется столь же неясное представление о методе. Позиция наших авторов в деле анализа отношения метода и реальности оказывается позицией позитивизма. Исключение субъект-объектного отношения делает совершенно непонятным возникновение и эволюцию отношения «субъект-субъект». Только совершенно расплывчатое представление о диалектической противоречивости, диалектике вообще дает возможность говорить о такого рода реальности, которая обозначается в работе Бузгалина и Колганова как общество диалога равноправных субъектов. Авторами, в сущности, в ходе характеристики ими общества креативности принимается в расчет лишь одна сторона диалектического противоречия. Здесь, конечно, тоже может быть обнаружена диалектическая противоречивость, но она в этом случае будет производной от более фундаментальной: от отношения человека к природе, субъекта и объекта, от противоречия материального и идеального в конечном итоге.

Основанием для такого решения названного вопроса является описание условий возникновения собственно Марксова метода исторического материализма. Оно, в сущности, дано в первом тезисе о Фейербахе и сводится к характеристике предметной реальности, становящейся в ходе практической деятельности и на ее основе. Невозможно представить возникновение и эволюцию диалектического метода, диалектической логики вне рассмотрения практики, активности субъекта. Но без практики невозможно представить и саму реальность, обсуждаемую нашими авторами. Здесь, кстати, у нас есть повод еще раз заметить, что диалектика, диалектический метод, представляется как форма развития отношения субъекта и объекта и, далее, материального и идеального. Это то фундаментальное в методе исторического материализма, что сохраняется при всех изменениях материала, в котором воплощается этот метод. Но это, естественно, приводит нас вновь и вновь к соображению, что формирование и функционирование общества, идущего на смену обществу отчуждения, креативного общества, как о нем говорят

наши авторы, не требует отказа от метода Маркса, *от традиционной диалектической логики, как пишут наши авторы*, не означает необходимости построения некой новой логики диалога. Разумеется, креативность общества понимается здесь совершенно иным образом, чем диалог равноправных субъектов. Следует сказать больше: ограничившись отношением «субъект-субъект» или, во всяком случае, отдав ему преимущество в деле детерминации нового метода, авторы разорвали то единство, которое только и позволяет говорить о диалектике. Фактически они пришли к некритическому восприятию действительности, то есть к тому, что называется в марксизме некритическим позитивизмом. Но этот последний не дает возможности увидеть границу, отделяющую оппортунизм от творческого применения метода исторического материализма. Подчеркнем еще раз, что речь идет вовсе не об отсутствии в рассматриваемой работе критического отношения к современному обществу; речь идет лишь об отсутствии *методической обоснованности* этого критического отношения.

Делать основой развития общества, выходящего из недр общества отчуждения, диалог равноправных субъектов – значит, становиться на точку зрения, очень далекую от Маркса и марксизма, а если называть это постсоветским марксизмом, то следует сказать, что в этом последнем очень немного может быть названо марксизмом. Точнее, постмарксизм не имеет ничего общего с марксизмом.

Помимо прочего нельзя не отметить, что авторы вольно или невольно оказываются противопоставляющими естественно-научное и социальное на манер неокантианцев. Но отрыв друг от друга логики отношений «субъект-объект» и «субъект-субъект» связан, по существу, с неокантианским грехом разведения наук о природе и наук об обществе.

Подводя итог нашему рассмотрению содержания работы А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, можно сказать следующее.

Если и говорить о креативном обществе как об обществе, в котором отсутствует отчуждение, то во всяком случае следует иметь в виду, что и в таком обществе имеет место процесс опредмечивания и распредмечивания, который представляет собой способ существования общества, человеческой истории, процесс, который при определенных условиях становится отчуждением, обстоятельством, обеспечивающее преимущество креативного общества по

отношению к предшествующей стадии развития. Трудно представить, чтобы здесь отсутствовало отношение «субъект-объект» в смысле отношения общественного человека к природе, к внечеловеческой реальности, очень условно выражаясь. Но в этом случае имеют место все условия для возникновения диалектической ситуации, и утверждать необходимость некоей новой диалектической логики, снимающей старую, действующую, как пишут наши авторы, в обществе отчуждения, означает сделать шаг назад, разрывая диалектическое единство и историческую преемственность будущего человечества (это уж действительно что-то схожее с рецептами для будущего человечества, о которых говорил Маркс в связи с О. Контом); разрыв логик и самих обществ, которые описываются этими логиками, в сущности, представляет собой разрыв исторической нити. Между тем едва ли допустимо сомневаться в том, что новое возникает единственно в силу его определенного рода присутствия в старом.

Подчеркнем еще раз, что речь идет не о том, чтобы упрекнуть авторов в непонимании ими необходимости перехода от одного общества к другому, но об отсутствии *методической обоснованности* этого перехода.

Когда-то в молодости, сводя счеты с современным им общественным сознанием, Маркс и Энгельс говорили о том, что они знают лишь одну науку – науку истории. Судьба историзма зависит от того, каким образом характеризуется предмет, включаемый в историческое движение, во временной процесс. История общества и история природы показали нам достаточно определенным образом, что предмет исторического движения должен быть охарактеризован как живое противоречие, а это имеет место единственно в случае понимания, что действительность дана нам в формах человеческой практической деятельности. Наши авторы дают представление о реальности, которое далеко от этой характеристики. То, с чем мы имеем у них дело, – это некритический позитивизм: реальность, законченная в себе, копируется в методе.

Помимо этого вопроса возникает и другой: чтобы говорить о соответствии или, напротив, о несоответствии метода предметной реальности, следует дать представление как о ней, так и о критикуемом за свою непригодность к новой реальности методе. В работе А. В. Бузгалина и А. И. Колганова мы не обнаружим ясного

представления ни об упомянутой реальности, ни о методе, который, как они полагают, к ней не подходит.

В рассматриваемой работе обращается внимание на ряд «ранее относительно слабо разработанных сторон марксистской философии истории»¹⁵. Слов нет, у диалектики, как она представлялась в советский период, было много недостатков. Эти недостатки, однако, не были недостатками диалектики Маркса. Между тем изложение своей позиции авторами показывает, что их критика распространяется и на диалектику Маркса, по крайней мере, как не отвечающую реалиям креативного общества. Но именно особенности Марксова подхода к диалектике обеспечили ей универсальную роль – революционизирующую и теорию, и практику.

Логика Фихте, Гегеля, Маркса при всем их различии являются логиками *преодоления* отчуждения. Именно это обстоятельство дало основание Ф. Энгельсу квалифицировать классиков немецкой философии как внесших свой вклад наряду с великими социалистами и коммунистами утопического толка в теорию научного социализма, содержанием же этого вклада представителей немецкой классической философии было преодоление отчуждения вещи от субъекта в философии Канта, пусть пока в идеалистической традиции. Естественно напрашивающийся здесь вывод – это вывод о необходимости идти к Марксу; исторический материализм, материалистическая диалектика – это вовсе не логика лишь общества отчуждения, что остается в прошлом вместе с ним, это метод, к которому еще предстоит обратиться и в решении проблем настоящего и будущего развития общества. А. В. Бузгалин и А. И. Колганов предлагают обратиться к гуманистической философии истории ввиду устранения недостатков марксистской философии истории. Представляется странным это совершенствование претендующей на развитие диалектического метода концепции за счет устаревших теоретических конструкций. «Философия истории» в качестве термина, пригодного к употреблению в дидактических целях, для Маркса, в сущности, представляется анахронизмом: у Маркса нет философии истории, у него есть наука, называемая историческим материализмом. Органическая связь диалектики и материала специальной науки, «Монблана фактов» и организующего их метода,

¹⁵ Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. Постсоветский марксизм в России: ответы на вызовы XXI века. – М., 2005. – С. 10.

свойственная «Капиталу», стала основанием для ряда исследователей говорить в этой связи о науке нового типа.

Мы не можем не признать ценным имплицитное авторами рассматриваемой работы постановок целого ряда очень важных вопросов: каким образом развивается метод, в данном случае – метод исторического материализма; каким образом устанавливается изменение в общественном развитии; каким образом метод соотносится с реальностью. Но предлагаемые ими решения оказываются, на наш взгляд, методически неудовлетворительными. Их критика современного общества, характеристика перспектив развития теряют в силе именно в той мере, в какой здесь отсутствует аутентичное методическое обоснование.

Разумеется, отвергая необходимость предлагаемого нашими авторами развития диалектического метода, мы рискуем быть обвиненными в ретроградстве, догматической приверженности марксистской ортодоксии. На этот упрек мы бы ответили простым соображением: мы против движения вспять, от лучшего к худшему, нисколько не ставя под сомнение необходимость развития и совершенствования диалектического метода.

«Ортодоксия в вопросах марксизма, – очень точно заметил Д. Лукач, – относится, напротив и исключительно, к методу. Она имплицитно подразумевает научно обоснованное убеждение, что с диалектическим марксизмом был найден настоящий метод научного исследования, что этот метод может быть развит, усовершенствован и углублен только в направлении, намеченном его создателями; но что любые попытки превзойти его или “улучшить” ведут лишь к его тривиализации, к его эклектической трансформации – и должны были необходимо вести к этому»¹⁶.

К сожалению, именно с этим мы имеем дело в характеристиках метода и реальности, к которой он относится, у наших авторов.

¹⁶ Lukacs, G. Histoire et conscience de classe. – Paris: Editions de Minuit, 1960. – P. 18.